

Образ человека в трактовке К. Ясперса

И. В. Егорова (Институт философии Российской академии наук) *

The image of man in interpretation of K. Jaspers

I. V. Egorova (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences)

Аннотация: Работа К. Ясперса «Общая психопатология» была защищена ее автором, будущим знаменитым философом, в качестве докторской диссертации в 1913 г. и тогда же вышла в свет в виде отдельной книги. Этот труд охватывает широкий спектр проблем, относящихся к психологии личности. От феноменологии отдельных психических болезней автор восходит к широким философским обобщениям, касающимся человека в целом и его экзистенциальной связи с другими людьми.

Ключевые слова: философия, психология, образование, человек, личность, антропоморфизм, психоз, невроз, экзистенция, человеческая природа, животное.

Abstract: The work of K. Jaspers «General psychopathology» was presented by its author, a future famous philosopher, as a doctor's thesis in 1913 and the book was printed in the same year. The treatise embraces a broad range of problems related to the psychology of personality. From the phenomenology of particular mental diseases the author goes up to wider philosophic generalizations about man in general and his existential relationships with other individuals.

Key words: philosophy, psychology, education, man, personality, anthropomorphism, psychosis, neurosis, existence, human nature, animal.

В начале прошлого века Карл Ясперс (1883-1969) пытался провести различие между животным и человеком. В соматическом смысле, т. е. с точки зрения анатомии, физиологии, фармакологии, патологической анатомии и терапии, человек для врача не отличается от животного. В психопатологии же проблема «человеческого» присутствует, можно сказать, всегда: ведь любая психическая болезнь вовлекает в процесс своего развития как дух, так и душу человека, — отмечает К. Ясперс.

У животных также бывают заболевания центральной и периферической нервной системы. Об этом свидетельствуют хотя бы работы по наследованию синингомиелии у кроликов. Кроме того, существуют такие явления, как лошадиный нор, «гипноз» у животных (не имеющий ничего общего с гипнозом у людей), панические реакции. У животных даже могут развиваться «симптоматические психозы», вызванные органическими поражениями мозга. У них случаются чувствительные, двигательные

---

* Егорова Ирина Владимировна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Тел.: (495) 697-96-96.

нарушения (например, бег по кругу), а также изменения нрава — беспричинная агрессивность, апатия и т.п.

К. Ясперс отмечал, что функциональные психозы в собственном смысле у животных не описаны (наличие истерии у них далеко не доказано). Шизофрения и циркулярное расстройство встречаются у людей всех рас, но у животных их не бывает никогда. Согласно Г. Люксенбургеру, «наличие психозов у животных не доказано; тем более невозможно говорить о том, что животные подвержены наследственным психозам». Люксенбургер, по мнению немецкого философа, совершенно справедливо критикует антропоморфизм, стремящийся «приписать поведению животных человеческую мотивацию». В этом отношении между соматической дисциплиной и психопатологией существует ярко выраженная противоположность. Стремясь выявить исконно человеческое начало в психическом заболевании, мы должны рассматривать последнее как феномен, присущий только человеку. В той же мере, в какой человек выявляет свою специфически человеческую природу, он не может быть сопоставлен с животными.

Ясперс задается вопросом: в какой мере уникальность человека определяет природу его болезни? Если говорить о болезнях тела, то наше сходство с животными настолько велико, что опыты над последними позволяют познать жизненно важные соматические функции человека — пусть даже применение результатов этих опытов представляет значительные трудности. Но понятие душевной болезни человека относится к совершенно иному измерению. Причиной болезни могут быть такие качества человеческого, как неполнота, открытость, свобода и бесконечное разнообразие возможностей.

В противоположность животным человек не наделен врожденной, совершенной способностью к адаптации. Ему приходится самому искать путь в жизни. Человек не есть готовая форма, он формирует себя сам. В той мере, в какой он все-таки представляет собой готовую форму, он близок животным.

В психопатологии предметом научного исследования становится человек как таковой; соответственно, наблюдения над животными в данной области бесполезны. Не все в душевной болезни можно объяснить с привлечением одних только естественно-научных категорий. Человек как создатель духовных ценностей, как существо верующее и нравственное пребывает за пределами того, что доступно эмпирическому исследованию.

И все же психология и психопатология животных — в той мере, в какой о них вообще можно говорить, — представляют для нас определенный интерес. Во-первых, они позволяют нам познать некоторые

фундаментальные жизненные проявления, которые не чужды и людям, но которые могут быть более объективно оценены с учетом обширного материала — как, например, привычки, способность к обучению, условные рефлексы, автоматизм, поиска решения методом проб и ошибок, а также отдельные виды разумного поведения. Во-вторых, изучение особенностей жизни животных убеждает нас в том, что предков человека среди зоологических форм нет. Как животные, так и человек представляют собой ветви единого великого древа жизни. Контраст между человеком и животными помогает нам понять действительную основу человеческого бытия.

Наука, считает Ясперс, требует систематического и интегрирующего подхода; она стремится искать единство в разрозненном. Процесс накопления психопатологических данных бесконечен, а исследователи пользуются настолько разнородными терминами, что часто не понимают друг друга. Поэтому непременно следует четко обозначить пределы того, что мы действительно знаем.

Одного только суммирования специальных сведений для этого недостаточно. Множество сведений само по себе не имеет единой осмысленной основы; оно не предполагает наличия отчетливо очерченных границ, внутри которых заключалась бы вся совокупность фундаментального знания.

Мы не достигнем цели и в том случае, если ограничимся разработкой представления о структуре человеческого и демонстрацией того, какое место занимают в этой структуре известные нам элементы. Никакой «структуры человеческого» не существует. По природе своей человек — существо незавершенное, и потому он именно как человек недоступен познанию.

Требуемая интеграция, по мнению Ясперса, возможна только при условии, что мы структурируем наше знание о человеке на основе фундаментальных принципов и категорий нашего мировоззрения и мышления. Иначе говоря, интегрирующий подход осуществим только при наличии прочной методологической основы. Подобный подход не позволяет научному исследованию выйти за границы, по сторону которых объект как таковой уже недоступен познанию. Чтобы наука могла достичь этих границ, она должна прежде полностью овладеть все тем, что лежит по эту сторону. Истину о человеке мы можем узнать только благодаря соприкосновению с другими людьми и миром, с философией, наукой и историей; и мы не могли бы исследовать других, если бы в нас самих не было основы, обуславливающей наше существование.

Значит, полагает немецкий философ, мы должны участвовать в исследовании всем своим существом и использовать нашу витальную основу

как инструмент научного познания. Именно эта основа определяет масштабы, полноту и глубину нашего знания. Науку о человеке в целом нельзя структурировать чисто технически; она ни в коей мере не является общедоступным знанием, ограниченным одной плоскостью. Но нужно структурировать пути и способы нашего познания — так чтобы постижение человеческой природы стало доступно нам во всех возможных измерениях и на всех возможных уровнях. В любом случае подобное структурирование будет способствовать выделению некоторых простых и содержательных фундаментальных признаков и идей, позволяющих представить частности в систематизированном, наглядном виде.

В итоге должна сформироваться целостная картина научной психопатологии. Наше знание не носит связного характера, пока оно ограничивается перечислениями и разрозненными частностями. Такое нестабильное состояние нас не устраивает. Мы стремимся упорядочить множество известных нам частных фактов. Вначале мы просто группируем их, затем исследуем причинные связи (благодаря одному только причинному знанию мы можем до определенной степени воздействовать на ход событий, выявлять то, что скрыто, держать процессы под контролем и предсказывать дальнейшее развитие) и, наконец, прозреваем смысл.

Исследуя бесконечность человеческого бытия, считает Ясперс, мы сталкиваемся с отдельными фактами, посредством которых это бытие объективирует себя. Пытаясь преодолеть безусловные смысловые различия и связать эти факты друг с другом, мы обнаруживаем, что они действительно имеют какую-то общую основу. Мы наблюдаем бесконечные взаимопереплетения и взаимодействия явлений. Один и тот же феномен, будучи рассмотрен с разных точек зрения, может выглядеть как единичный элемент или как совокупность составных частей. Абсолютно простой, неделимый элемент — это нечто столь же условное, как и целостность. То, что на первый взгляд кажется простым, своим происхождением может быть обязано комплексу самых разнообразных условий. Однако исследуя сложные множества, мы можем в конечном счете прийти к пониманию того, насколько они на самом деле просты.

Для того чтобы структурировать и упорядочить всю совокупность нашего знания, мы должны прежде всего собрать воедино все, что мы реально знаем. Повторим, что такой синтез возможен только в методологическом плане, но не как онтологическая теория человеческого вообще. Он подобен карте какого-то воображаемого континента, а скорее схеме возможных маршрутов. Но человек как целое отнюдь не подобен континенту в географическом смысле, и он не дан нам как «готовый» объект исследования. В отличие от любого другого объекта во Вселенной, человек

по природе своей свободен. Мы можем систематизировать методы изучения «человеческого», но нам не дано создать его всеобъемлющую схему. Ясперс не рассчитывал на то, что главы его книги, взятые в совокупности, позволят уловить сущность человека как целого. В конце концов, у нас нет никаких оснований говорить о единой, эмпирически распознаваемой глубинной основе человеческого бытия. Вопрос о сущности «человеческого» остается открытым; то же можно сказать и о нашем знании человека.

Поэтому Ясперс считал бесперспективными любые попытки психопатологов выявить глубинную основу «человеческого» как такового, равно как и попытки выдвинуть какой-либо отдельно взятый принцип в качестве ориентира. Наша фундаментальная установка — вера в признание неисчерпаемости того, что может быть нами познано. Когда Л. Бинсвангер пытается исследовать человека с позиций всего лишь одной теории, когда он отвергает представление о человеке как о конгломерате, т. е. единстве соматической, психической и духовной субстанций (с его точки зрения; такое представление есть синтез нескольких подходов — естественно-научного, психологического и культурно-исторического) и заявляет о необходимости прийти к «исходной, фундаментальной-онтологической идее экзистенциальности, он допускает, по мнению К. Ясперса, философскую и эпистемологическую ошибку.

Формулируя задачу таким образом, он смешивает философское озарение с чисто научными методами, в итоге философское видится как нечто прозаичное, напрочь лишенное обаяния и размаха. Более того, основа, которую он закладывает для психопатологии, абсолютно не адекватна задачам нашей науки. Ту же ошибку допускает и Г. Принцхорн, утверждающий, что «врач должен быть знаком не столько с методами, сколько с основными положениями учений о жизни, конституции, наследственности и личности, так как именно этим багажом теоретических знаний он будет руководствоваться при общении с людьми». Таким образом, Г. Принцхорн абсолютизирует частные способы познания, превращая их в философские истины, в основу познания и практики вообще; но основа эта слишком скудна, а философия — сомнительна.

По мнению К. Ясперса, никакое философское озарение не способно дать однозначную картину человеческого. Скорее следовало бы сказать, что по мере трансцендирующего овладения объемлющим проявляется множественность истоков природы человека; отсюда неустанное стремление человека к единому, каковым он не является. Природа человека незавершена или фрагментарна. Фрагментарность требует достижения полноты, источник которой, в противоположность всем остальным универсальным источникам «человеческого», должен обеспечить бытию

человека основу и целостность. Временный успех на этом пути достигим только ценой многочисленных разочарований. Но именно разочарования указывают верное направление — ведь, чтобы выполнить требование, считает Ясперс, нужно обладать истовой верой и сохранять духовную связь с традицией, почитаемыми и любимыми людьми.

Благодаря многообразным модусам объемлющего, каждый из которых к тому же наделен бесконечными возможностями, мы приходим к пониманию открытости человеческого, открытости, которая тождественна его всегдашней незавершенности. Сущность человека выявляется для нас не в объективных схемах человеческого, а именно в этой бесконечной потенциальности, в этих неизбежных конфликтах и внутренних противоречиях.

1. Человек — это открытая возможность. Ницше назвал человека «еще не установившимся животным». Человек не только не замыкает некую природную цепь, а попросту выпадает из ее звеньев. Все, что до этого оценивалось как приобретение человека, с точки зрения философии жизни выглядит процессом его вырождения.

Проблема незавершенности человеческой природы получила наиболее полное освещение в работе К. Ясперса «Общая психопатология». К. Ясперс подчеркивает, что сущность человека выявляется для нас не в объективных схемах «человеческого», а именно в этой бесконечной потенциальности, в этих неизбежных конфликтах и внутренних противоречиях. Животные осуществляют свою жизнь согласно заранее предначертанному пути. Каждое новое поколение, подобно всем предыдущим, приспособлено к определенной форме существования (Ясперс, 1997: 909).

О каждом живом существе на нашей планете можно сказать: оно сложилось окончательно. Животное действует так, как записано в его инстинктуальной программе: пауки безошибочно плетут паутину — орудие лова; птицы совершают дальние перелеты без навигационных приборов; пчелы строят соты, не подозревая о необходимости предварительного архитектурного проекта...

Жесткая генетическая запрограммированность приводит к тому, что на многие поступки животные просто не способны. Они не совершают преступлений, убийств, которые предваряются расчетом, выгодой, не способны на подлость. Хочется возразить: а львица, которая ждет в засаде антилопу? Разве это не низость? Нет, львица — хищник, который добывает себе пропитание. Это вовсе не убийство за деньги.

Что касается человека, — отмечает К. Ясперс, — то его ничто не принуждает строить свою жизнь по заданной модели; человек наделен пластичностью и способен бесконечно меняться. Животные ведут

устойчивое существование, так как руководствуются надежными инстинктами; человек же несет в себе элемент неустойчивости и ненадежности. Человек не предназначен для абсолютных, конечных форм жизни; следовательно, его существование неотделимо от случайностей и опасностей. Человек заблуждается, допускает ошибки, его инстинкты немногочисленны, он, так сказать, изначально «болен»; он всецело зависит от собственного свободного выбора (Ясперс, 1997).

У животного все отправления организма, психологические реакции на окружающий мир нормальны и естественны. Оно ищет пищу или бежит от опасности. Человек слабо укоренен в природе, и эта его слабая укорененность может быть прослежена на примере инстинкта потребления пищи. Животное знает меру. Лошадь отличает травы съедобные от несъедобных — подсказывает инстинкт. Голодная кошка сначала попробует молоко, а лишь потом начнет лакать его, если оно нормальное. Медведь не станет есть про запас. У человека все его пищевые ограничения нарушены. Инстинкт слеп и глух.

Развитие животных изначально было направлено в сторону узкой специализации и поэтому пошло тупиковыми путями; потенциал для развития был сохранен за одним только человеком. О человеке можно сказать, что в основе своей он есть все («душа — это все», как говорил Аристотель). В самых глубинных слоях человеческой природы сохраняются какие-то действенные элементы. Благодаря своей пластичности человек остается незавершенным; и в этой незавершенности содержатся ростки будущего. По причинам, как отмечает К. Ясперс, самому человеку неизвестным, его способности в основе неисчерпаемы; в своем воображении он может предвидеть ход событий и освещает свой путь истинными, фантастическими и утопическими целями.

На самом деле, потенциально человек может все; поэтому человеческая природа неопределима. Мы не можем свести человека к единому знаменателю, ибо он не соответствует какой-либо одной специализации. Человек не сводится к какой-либо одной видовой категории; другого такого вида в природе не существует. Будучи определен, т.е. отнесен к какой-либо категории, человек утрачивает свою исконную целостность. В любой жизненной ситуации человек выступает как своего рода экспериментатор, имеющий возможность отступить, отойти в сторону, отказаться от продолжения «эксперимента». Это происходит потому, что в глубинах его природы сохраняются дальнейшие возможности — причем возможности эти принадлежат не столько отдельному индивиду (который идентифицируется с неким осуществленным содержанием), сколько человеку как некоей генетически детерминированной сущности.

2. Человек в борьбе с самим собой. Человек может двинуться к природным истокам, а может еще и дальше уйти от нее, искажая собственные потребности, разрушая естественные связи и истоки. О том, что человек не является однозначно определенным существом, мы можем судить, изучая его борьбу с самим собой. Человек — не просто принудительный синтез противоположностей (каковым является все живое) или необходимое и, в сущности, доступное пониманию диалектико-синтетическое движение духа. Уже в самых глубинных своих истоках человек — это не что иное, как борьба. Различные формы этой непримиримой борьбы можно рассматривать как ряд ступеней, ведущих от того, что является общим для всего живого, к чисто человеческим проявлениям.

К. Ясперс делает попытку показать, в чем и как разворачивается эта борьба.

Человек, рассматриваемый как форма жизни, является ареной борьбы между наследственной предрасположенностью и окружающей средой, между внутренним и внешним миром.

Человек как общественное существо находится в центре конфликта между индивидуальной и коллективной волей; в последней же идет борьба между той волей, которая обусловлена природой отдельных людей, и волей общества в целом.

Человек как мыслящее существо пытается преодолеть антагонизм между субъектом и объектом, между «Я» и вещами — между неразрешимыми антиномиями, сталкиваясь с которыми человеческий разум терпит крушение.

Человек как дух пребывает в пространстве созидательного движения противоположностей. Противоречие — это тот непреодолимый стимул, который побуждает человека к созиданию; такую творческую функцию выполняют противоречия, свойственные любым типам переживания, опыта, мышления. Человек как феномен духа склонен к отрицанию; но отрицание не разрушает человека, а выступает как форма созидания через преодоление и синтез, осуществляемые в процессе становления.

Человек как существо живущее, мыслящее и духовное планирует свое будущее, осознанно вносит в жизнь определенный порядок, дисциплинирует себя. Благодаря воле он имеет возможность делать с окружающей средой и с самим собой то, что хочет. Эта воля постоянно борется с противоречиями; она становится разрушительным фактором, когда вырождается в «чистую», формальную волю. Такая воля способствует угасанию собственного источника, его вырождению в нечто механическое. Оставаясь же на службе объемлющего содержания, она становится, так сказать, Волей с большой буквы — проявлением человека, осуществляющего себя в борьбе.

Ни в мире, ни для человека не может быть осуществлен такой синтез, который вобрал бы в себя всю совокупность возможностей. Всякое истинное осуществление так или иначе связано с решающим выбором. По сравнению с его серьезностью (поскольку любой выбор неизбежно исключает часть возможностей и заставляет человека принимать безусловные решения) все остальные конфликты превращаются в нечто чисто внешнее, в полную многообразных движений игру живого. Только человек, сделавший выбор, т. е. только тот, в чьей природе утвердилось и господствует принятое решение, является человеком в истинном экзистенциальном смысле.

Самопрояснение, наступающее в момент решающего выбора, может быть выражено только в антитезах мысли при посредстве сознания вообще и духа. Но речь должна идти не просто о выборе между двумя имеющимися в наличии и равно возможными альтернативами, а о выборе как некоем раз и навсегда осуществленном действии. При этом любые антитезы представляют собой всего лишь средство для истолкования. Путь решающего выбора — это ни в коем случае не уравнивание возможностей, не примирение их в рамках объемлющей целостности; это обретение основы в борьбе с чем-то иным. Путь решающего выбора — это конкретная историчность. Глубинная основа этой историчности и ее цель существуют прежде и после всех противоположностей, на которые она, истолковывая самое себя, на мгновение расчленяет бытие.

Антитезы экзистенциального смысла — это антитезы веры и безверия, подчинения и протеста, дневного закона и ночной страсти, воли к жизни и влечения к смерти.

3. Конечная природа человека и самопрояснение. Есть еще один важный аспект незавершенности человека, который исследует К. Ясперс. Речь идет о конечной природе человека. Нигде и никогда человек не бывает полностью независим. Он постоянно зависит от чего-то иного. Как наличное бытие, он зависит от своей среды и своего происхождения. Для познания ему требуется созерцание, которое должно быть ему дано (ибо чистое мышление лишено содержания). Реализуя свою природу, он ограничен во времени и возможностях и то и дело преодолевает сопротивление. Чтобы реализовать себя человек должен обладать сознанием собственных границ; поэтому он вынужден специализироваться на чем-то определенном и не может охватить всего. Создав предпосылки для того, чтобы по-настоящему начать свой путь, человек должен отказаться от очень многого в своей жизни. Но в бытии самости он не создает себя сам; это дар, источник которого неизвестен. Человек не создает и не придумывает свою свободу в самом глубинном ее измерении; но именно через нее он познает ту трансцендентность, которая делает его свободным в мире. Человек создает себя лишь постольку,

поскольку он улавливает что-то иное; он познает себя постольку, поскольку познает что-то иное и мыслит о чем-то ином; он доверяет себе постольку, поскольку доверяет чему-то иному, а именно — трансцендентности. Следовательно, природа человека определяется тем, что он знает и во что верит.

«В Церкви есть вечное и временное (даже кратковременное), — пишет архиепископ Иоанн Сан-Франциский, — но имеющее отношение к вечности и призванное служить ей. Это временное, ведущее к вечности, люди тоже призваны чтить и хранить, но не в законническом, а в Христовом духе, через естественное, возвышаясь к благодатному» (Архиеп, 1992: 397).

Ясперс подчеркивает: человек не просто конечен; он еще и знает о том, что конечен.

Человек — мера сущего. Но через какие экзистенциалы он выражает это сущее? Жизнь и смерть — вот, пожалуй, наиболее обобщенные и значимые символы мира. Ведь другие экзистенциалы — свобода, счастье, общение, любовь — ценны постольку, поскольку есть великое чудо бытия — жизнь. Смерть оттеняет сокровенный смысл этих экзистенциалов. Человек не удовлетворяется собой как конечным существом. Чем отчетливее его знание и чем глубже его переживания, тем яснее он осознает свою конечную природу и, следовательно, принципиальную незавершенность своего бытия и всех своих проявлений. Все остальные конечные вещи — совокупность которых мы именуем миром — также его не удовлетворяют. Человеку свойственно недовольство миром вне зависимости от того, насколько глубоко он вовлечен в мирские дела.

Таким образом, экзистенциальные проблемы — проблемы самого факта человеческого существования. Это означает, что человек, прежде всего, существует, т. е. он рождается и сразу занимает какое-то конкретное место в неосмысленном, грубо вещественном мире, и лишь после пришествия в этот мир человек определяется, входит в мир различных смыслов.

Человек потому и не поддается теоретическому определению, что изначально он ничего собой не представляет. Он извечно лишен какой-то природы, которая могла бы определить его индивидуальное, личное бытие. Человек становится человеком не сразу, иной вообще им может не стать. Здесь возникает проблема самобытного существования. Один человек целиком растворяется в наличной социальности. Его собственное содержание равно нулю, ибо он не стремится взрастить некую уникальность. Он живет «как все», безответственно, без душевного напряжения. Экзистенциалисты учат: нельзя относиться к человеку как к вещи.

Человек остается частью природы, он неотторжим от нее. Но теперь он понимает, что заброшен в мир в случайном месте и времени, осознает свою

беспомощность, ограниченность своего существования. Над ним тяготеет своего рода проклятье. Человек никогда не освободится от собственных мыслей и чувств, которые пронизывают все его существо. Человек — это единственное животное, отмечал Э. Фромм, для которого собственное существование является проблемой. От нее нельзя никуда уйти, он должен ее решить.

Подытоживая изложение, К. Ясперс показывает, что человек оказывается в двойственном положении: в его глубинных основах кроются бесконечные возможности, благодаря которым он стремится преодолеть свою конечную природу. Но эти возможности побуждают человека воплотиться в чем-то конечном, решиться на безусловное и устойчивое самоотождествление во времени.

Человек в принципе не способен достичь полного и устойчивого единства со своим миром, со своими действиями и мыслями. Чтобы приблизиться к этому единству, он должен преодолеть свою конечную природу. При этом конечное как таковое демонстрирует свою несостоятельность.

Список литературы:

- Архиеп (1992) Иоанн Сан-Францисский. Избранное. Петрозаводск.
Гуревич, П. С. (2004) Проблема целостности человека. М.
Гусейнов, А. А. (2004) О человеке и смысле его жизни // Наука, общество, человек. К 75-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова. М.
Ницше, Ф. (1994) Воля к власти. М.
Что такое дзэн? (1994) Львов.
Шопенгауэр, А. (1997) Об интересном. М.
Ясперс, К. (1997) Общая психопатология. М.